

УДК: 328:316.772.5

DOI: 10.17223/1998863X/36/37

А.С. Юферева

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ: АНАЛИЗ РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Исследуются разнообразные уровни медиаконвергенции и то, какое воздействие они оказывают на процессы виртуализации политической коммуникации. Особое внимание в данном контексте уделено ряду проблем по переводу государственных услуг в электронный вид. Доказывается, что неэффективность функционирования политической коммуникации обусловлена не столько технологическими, сколько социокультурными препятствиями.

Ключевые слова: медиаконвергенция, политическая коммуникация, виртуализация политики, новые информационные технологии.

Тотальная виртуализация определенных фрагментов окружающего мира посредством внедрения новых информационных технологий продолжает приводить к «слому» ранее устоявшихся системообразующих, организационных структур, которые вынуждены оперативно реагировать на происходящие во внешней среде трансформации. Традиционно восприимчивые к технологическим изменениям политические институты отличаются особым динамизмом и подвергаются существенному воздействию со стороны коммуникационных технологий и, в частности, Интернета, которые создают дополнительные виды деятельности, паттерны поведения и типы взаимодействия между индивидами. Одновременно с этим активно обсуждается вопрос о том, «как меняются и как должны изменяться под их влиянием традиционные иерархические управленческие структуры, унаследованные от индустриального общества, и как новые возможности «мгновенной обратной связи» воздействуют на отношения власти и граждан» [1. С. 285–286]. В этой связи появляется необходимость в исследовании ключевых тенденций, способных отразить степень эффективности вовлекаемых в деятельность органов власти информационных технологий. Изучение поставленного вопроса целесообразно проводить в контексте медиаконвергенции (от лат. *convergere* – приближаться, сходиться), которая выступает не только основой реконфигураций современных государственных подразделений, но и является первоочередным фактором в формировании и реализации политическими акторами сетевых стратегий. Учитывая многокомплексную специфику медиаконвергенции, единого понимания предложенного понятия пока не сложилось. В этой связи остановимся подробнее на интерпретациях медиаконвергенции, предлагаемых в зарубежной академической литературе.

Медиаконвергенция получила всестороннее рассмотрение в области коммуникативистики, в которой процессы сближения и взаимопроникновения ранее разобщенных сфер массмедиа стали предметом пристального внимания специалистов еще в середине двадцатого столетия. Впервые обозначил тен-

денцию к слиянию электронных средств связи М. Маклюэн. В собственных работах (одной из самых известных является работа «Понимание медиа» [2]) теоретик предпринимал попытку в выявлении закономерностей модификации реального мира под воздействием новых каналов для передачи информации (радио, телевидение), возникновения ранее недоступных типов интеракций между техникой и человеком. В абстрактной рефлексии наблюдаемого круговорота социокультурных сдвигов мы впервые встречаем близкое к медиа-конвергенции понятие «имплозия», смысл которого сводится к нивелированию дистанционных границ между ранее обособленными друг от друга областями; разрушению логики централизации; преобладанию виртуального пространства над действительным. Отсюда – усиление глобализации, повышение информатизации общества, что упраздняет множество локальных систем, приводит к однообразному, равномерному пространству, мгновенному взрыву вовнутрь. «Все это привело Маклюэна к созданию гигантского утопического образа «глобальной электронной деревни», центр которой везде, а границы – нигде и которую населяют электронные номады, свободно кочующие из одного мира в другой» [3. С. 38]. Примечательно, что логика размышлений М. Маклюэна полностью вписывается в рамки парадигмы технологического детерминизма, в соответствии с которой происходящие в социуме преобразования трактуются исключительно как следствие внедрения новых технологий. В подтверждение тому слова автора, который пишет, насколько изменилось состояние мира под влиянием электронных средств связи, которые «формируют наши мысли, структурируют наш опыт и определяют наши взгляды на окружающий мир» [4. С. 115].

Целенаправленное изучение медиаконвергенции проводит Н. Негропonte в книге «Being Digital» (1994 г.) [5]. В труде предлагается модель медиаконвергенции, основанная на трех пересекающихся кругах, каждый из которых имеет отношение к одной из нескольких отраслей массмедиа (печатные издания, радио-, телевидение и средства связи). Итогом их совместного сближения становится образование новых медиа, способных воплощать черты выше перечисленных компонентов коммуникационной системы. При этом их появление стало следствием конвергенции технологического порядка, предполагающей схождение в одной точке традиционных средств массовой информации и многообразных электронных дивайсов. Включение в исследовательский фокус медиаконвергенции такого вида демонстрирует преемственность в продолжении традиции, заложенной М. Маклюэном и задающей достаточно жесткие рамки для размышлений по данной теме.

Позднее зарубежные специалисты пришли к заключению о том, что границы понимания медиаконвергенции значительно шире и не охватывают исключительно область передовых технологий. Особый вклад в раскрытие многокомплексного потенциала медиаконвергенции внес профессор Г. Дженкинс путем выделения в статье «Convergence? I diverge?» (2001 г.) нескольких взаимосвязанных уровней. Автор подчеркивал, что, несмотря на технологическую основу медиаконвергенции, стоит выделять другие, не менее значимые уровни: экономический (слияние различных сфер в индустрии развлечений), социальный (формирование у потребите-

лей информации «многозадачных стратегий»), культурный (взрыв новых форм творчества в виртуальном пространстве), глобальный (циркуляции медиаконтента в мировом масштабе) [6].

Спустя пять лет, в 2006 г., выходит работа Ф. Бенклера [7], в которой предлагается три уровня опосредованной коммуникации – физический, логический и уровень содержания. К первому уровню – физическому – относятся составные компоненты материально-технической базы (телефоны, компьютеры и пр.), которые в совокупности образуют физическую инфраструктуру (кабели, сети, проводники). Ее существование позволяет пользователям коммуницировать друг с другом. Следующий уровень – логический – описывает протоколы программного обеспечения, алгоритмы и стандарты связи, которые приводят к установлению взаимосвязи между устройствами и пользователями. Наконец, уровень содержания включает сообщения и идеи, информацию и развлечения, песни и картинки, которыми делятся пользователи Сети.

Очевидно, что основу уровней опосредованной коммуникации составляет медиаконвергенция, которая наличествует в нескольких плоскостях одновременно – технологической и социальной. Первая, в свою очередь, подразумевает «скрепление» в одном пространстве разнородных технических средств связи, которые выступают соединяющим звеном между пользователями, а вторая – образование целой серии коммуникативных эффектов от применения пользователями технологического комплекса. В качестве результатов от эксплуатации телекоммуникационной платформы и вытекающих из этого последствий допустимо рассматривать всевозможные изменения в социальном, экономическом, культурном и прочих контекстах, в том числе такие частные случаи, которые имеют отношение к трансформации поведенческих установок представителей власти, вынужденных оперативно реагировать на происходящие в массмедийной среде явления. Однако прежде чем перейти к освещению взаимодействия политической коммуникации с медиаконвергенцией в настоящем времени считаем нужным обратиться к изучению того, как исторически происходило проникновение в область политического данного феномена и какие отличительные черты были свойственны виртуальной политике на начальном этапе.

Глобальные преобразования в технологической сфере, связанные с внедрением в общественную жизнь новых средств и каналов связи, предоставили политическим институтам соответствующие условия для взаимодействия с населением. Экспансия политического влияния была особенно заметной в период появления целой группы технологий, которая позволила властям выстраивать совершенно иные виды взаимодействий с населением в двух измерениях: дальности и площади охвата. Если телеграф и телефон увеличили дальность обмена информацией, радио и телевидение – аудиторию вещания [8], то Интернет стал воплощением этих двух измерений. Выражается это в способности сети преодолевать пространственные, временные, иерархические препятствия, давая в дополнении ко всему этому право осуществлять многостороннюю коммуникацию. Таким образом, началом вовлечения в область политического новых информационных технологий принято считать 1990-е гг., когда Интернет приобрел черты массовости за счет растущего количества виртуальных пользователей. К наиболее показательным последст-

виям применения компьютерных сетевых платформ в политическом процессе допустимо отнести создание официальных веб-сайтов. Постепенная интеграция управленческих структур российского государства с киберпространством имела свои особенности, поскольку предусмотренный на тот момент функциональный комплекс сайтов был крайне ограничен. По сути, существовавшие на тот период электронные ресурсы предназначались для оказания информационных услуг о деятельности правительства исключительно в однонаправленном порядке. Пользователь мог получить доступ к данным, касающимся государственной политики, нормативным актам, архивам и пр., но не мог коммуницировать с органами власти непосредственно. Выделение столь специфических черт у сайтов правительственных учреждений того времени свидетельствует о преобладании медиаконвергенции технологического толка, которая подразумевает появление дигитализированных путей для функционирования политической коммуникации (прежде всего, имеется в виду «оцифровка» разнообразных документов; хранение, передача значительных объемов данных и многое другое), пусть и в ограниченном формате.

На втором этапе виртуализации политических процессов, датируемом началом 2000-х гг., наблюдается тенденция к постепенному замещению однонаправленных процессов «вещательного» типа формами информационного обмена, предполагающими повышение роли обратной связи между участниками политико-коммуникационных процессов [9]. Происходит формирование особой среды посредством «самостоятельного производства контента пользователями и активным его обменом между ними» [10. С. 42]. Обозначенные аспекты нашли отражение в улучшении качества информационных услуг, предоставляемых на сайтах органов государственной власти. От статичного предоставления образцов официальных документов ресурсы перешли к динамичной работе с гражданами, включая использование интерактивных элементов, удобных сервисов, таких как участие в социальных вопросах, реестр петиций и инициатив, народный контроль (возможность сообщить о проблеме) и т.д. В контексте расширения коммуникационного поля заметен переход медиаконвергенции к следующему уровню развития – социальному, предполагающему, что совершенствование технологических систем, объединяющих устройства и сервисы, подготовило почву для реализации разнообразных интеракций среди пользователей. Создание и распространение контента актуализировали потребность в новых формах политического участия. Условно они могут быть разделены на две основные группы: формальные (официальные веб-ресурсы правительственных учреждений, в том числе всевозможные концепции – открытое правительство, электронная демократия и пр.), неформальные (социальные сети, форумы, чаты, блоги и т.д.).

В России наиболее активная фаза перевода государственных услуг в электронный формат началась с 2012 года. В 2013 году доля населения, которая использует электронные госуслуги, составила 30 %, а в 2014 – 35 %. В соответствии с указом Президента РФ № 601 от 7 мая 2012 года «доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна достичь 70 % [11].

Оценить динамику информатизации предоставляемых государственных услуг в России возможно путем обращения к всемирным рейтингам, которые

могут отразить положение нашей страны наряду с другими государствами. Сначала обратимся к результатам индекса развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index) Организации Объединённых Наций: в 2008 г. Россия занимала 49-е место по готовности оказывать гражданам госуслуги в электронном виде, в 2010 г. – 47-е место, в 2012 и в 2014 гг. ситуация не поменялась – 27-е место. Согласно другому рейтингу – «Индексу развития ИКТ» – в 2007 году отечественному состоянию ИКТ-отрасли отдали 50-е место, в 2013 г. – 40-е, а в 2015 г. – 45-е место [12]. Изложенные результаты исследований международных организаций, которые при подсчете используют определенные критерии (качество интернет-услуг, степень доступности технологий для населения, уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры и т.д.), позволяют констатировать недостаточный уровень развития одного из перспективных направлений государственной политики, связанного с переводом услуг государственного назначения в виртуальный формат.

Многие специалисты связывают развитие гибких сервисных госуслуг непосредственно с инновационными разработками, оперативное внедрение в политическую систему которых способно решить ряд проблем, тем самым обеспечив общество лидирующие позиции на международной арене. Оптимистичные настроения свойственны достаточно широкому кругу теоретиков, которые видят в технологиях перспективное и динамичное поле для развития демократических начал в политическом пространстве. В свое время Р. Даль отмечал, что телекоммуникационные технологии являются действенным инструментом в конструировании «передового демократического общества», в котором политические решения принимаются на основе мнений и суждений народа. А. Этциони предлагал концепцию «теледемократии», в соответствии с которой достижение общественного блага может произойти в том случае, если будет обеспечено тотальное применение коммуникативных технологий [8]. Аналогичной точки зрения придерживается К. Ширки, по мнению которого информационные технологии открывают перед глобальным гражданским обществом и его отдельными сегментами новые блистательные перспективы как в плане перехода к прямой электронной демократии, так и в плане развития многообразных форм электронного активизма [1. С. 287]. Особой властью глобальные технологии наделены в представлениях Н. Негропonte, который считал, что под их влиянием стоит ожидать неминуемого отмирания национального государства [8]. Нетрудно заметить явное сходство между технологическим детерминизмом и изложенными ожиданиями, которые фактически исключают из рассмотрения социальный контекст [13], в рамках которого осуществляется адаптация к техническим инновациям [14. С. 257]. Отсюда – потребность в рассмотрении трансформации определенных элементов реальности через призму взаимодействия технологического и социального контекстов, при котором главная роль принадлежит второму атрибуту, определяющему дальнейшую эксплуатацию и инкорпорирование инновационных разработок в общественную систему. Справедливы в данном случае размышления У. Шаниэля, который предупреждает, что, прежде чем оценивать проникновение технологии в социум, в первую очередь следует обратить внимание на культуру страны, которая собирается заимствовать

технологию, а не на сам материал. Хотя «новая технология и вызывает перемены, – пишет У. Шаниэль, – их характер не предопределен заимствованной технологией. Вместо этого, заимствующее общество адаптирует технологию к собственным социальным процессам» [15. С. 358–359]. Сходная мысль содержится в исследовании М. Кастельса: «Пусть общество и не задает курс технологических изменений, оно может, используя мощь государства, задушить развитие технологии. Или, напротив, также путем государственного вмешательства оно может начать ускоренный процесс технологической модернизации, способной за несколько лет изменить экономику, повысить военную мощь и социальное благополучие. (...) хотя технология *per se* не детерминирует историческую эволюцию и социальные изменения, технология (или ее отсутствие) воплощает способность обществ модифицировать себя и определяет направления, на которых общество (всегда через конфликтный процесс) решает применить свой технологический потенциал [16].

Экстраполируя ряд перечисленных аспектов на область политического, заметим, что в российских реалиях вопрос адаптации органов государственной власти к последствиям медиаконвергенции следует рассматривать не с уклоном в технологический дискурс, но с принятием во внимание социокультурного контекста, в рамках которого технологии принимаются и используются.

В первую очередь требуется оценить состояние нормативно-правовой базы, которая регламентирует предоставление государственных услуг в электронном виде. На достаточно низкий уровень законодотворческой деятельности указывают многие отечественные теоретики, например Е.Г. Дьякова. Проанализировав правовую базу, она делает вывод о том, что данное направление отличается неравномерной траекторией развития. В качестве примера сошлемся на приводимый исследователем Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». «Документ начал разрабатываться в 2002 г., был одобрен на заседании Правительства РФ в 2005 г. и принят только в феврале 2009 г. Медлительность в принятии этого закона еще раз свидетельствует о том, что переход к «электронному правительству» – это не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной культурной составляющей» [13]. Аналогичную проблему рассматривает А.В. Чугунов: «Первая государственная программа – федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)» фактически свелась к большому набору пилотных проектов. Одной из причин отсутствия системного подхода к реализации мероприятий программы явилось то, что до 2009 г. не проводилась работа по формированию нормативной правовой базы «электронного государства» [17]. Несмотря на то, что после 2009 г. было принято гораздо больше нормативных документов, чем в предыдущие годы, организационно-правовая база по-прежнему остается несовершенной, что выступает сдерживающим эффектом в реализации концепции «электронного государства».

Следующая проблема относится к так называемой проблеме организационного сопротивления. Отсутствие у представителей органов власти профессиональных компетенций, требующихся для использования электронных технологий, является одним из ключевых направлений для изучения. В частности, на данную проблему неоднократно указывали сотрудники органов

власти в экспертном опросе, организованном Центром технологий электронного правительства НИУ ИТМО. По их мнению, проведение обязательных курсов по повышению квалификации, построенных по принципу профессиональных тренингов, использующих психологические приемы построения командной работы, должны осуществляться на регулярной основе [17]. Недостаток требуемого уровня подготовки в совокупности с перестройками основных компонентов организационной структуры (появление дополнительных отделов, как пример) ведет к затруднениям в функционировании государственных подразделений в виртуальном пространстве.

Не последнее место занимают ментальные установки государственных служащих: устойчивость отечественной бюрократической культуры, подразумевающей укрепление режима закрытости, административной непрозрачности, приводит к тому, что разработанные стратегии в области перевода государственных услуг в электронный формат, даже существовавшие в рамках нормативно-правовых актов, оказываются неработающими. Таким образом, взаимодействие чиновников с электронными сайтами приобретает оттенок высшей степени формализации, упрощенности и исключает ориентацию на гибкость.

К числу общих проблем с ярко выраженной социально-экономической окраской относится проблема «цифрового неравенства» (*digital divide*), которая порождает разновидность социального неравенства, в результате чего члены общества разделяются на две диаметрально противоположные группы. Первая группа включает «информационно богатых», а вторая – «информационно бедных».

Истоки проблемы цифрового неравенства восходят к саммиту стран «Большой восьмерки», который состоялся в 2000 г. на Окинаве. Результатом встречи мировых лидеров стало принятие стратегически важного документа – «Хартии глобального информационного общества», в которой утверждалась идея об увеличении степени доступности новых информационных технологий для населения всего мира.

В настоящее время цифровое неравенство провоцируется определенными факторами, которые можно распределить по нескольким категориям: демографическая (возраст, пол, уровень образования и др.), психологическая (например, отсутствие дискомфорта в использовании информационных технологий), социокультурная (менталитет, уровень образованности и пр.). Перечисленные критерии, характеризующие социально-экономическое положение страны, должны приниматься во внимание при решении проблемы оказания государственных услуг в электронном виде. Отсутствие доступа «информационно бедных» к технологиям коммуникации автоматически делает электронные государственные услуги невостребованными среди таких граждан. Отсутствие подобных групп в глобальном информационном пространстве, формируемом благодаря медиаконвергенции, не позволяет им заявлять о своей позиции, принимать участие в обсуждении острых вопросов и что самое главное – своевременно получать информацию политического содержания, так или иначе затрагивающую их интересы, права.

На основании проведенного исследования сделаем выводы.

Во-первых, изучение разнообразных уровней медиаконвергенции было проведено с целью выявления структурных взаимосвязей между технологи-

ческой и социальной сущностями данного феномена. Доказано, что изначально создание новых каналов связи спровоцировало появление медиаконвергенции технологического порядка, что выражалось в ограниченных возможностях пользователей управлять содержимым сети. Переход ко второму уровню случился сообразно с совершенствованием технологических условий, которые позволили осуществлять взаимодействия на большом расстоянии, в режиме реального времени.

Во-вторых, поскольку информационные технологии стали неотъемлемой частью политического процесса, потребность в анализе трансформации политической коммуникации в плоскости медиаконвергенции приобретает качественно новый смысл. Обращение к историческому контексту позволило выделить ключевые этапы и закономерности во взаимодействии политической коммуникации и медиаконвергенции.

В-третьих, теоретико-методологическая предпосылка о концептуальной ограниченности позиции технологического детерминизма подтверждается наличием в её содержании нескольких достаточно спорных моментов: «Первый: технологии якобы являются определяющими агентами социальных перемен; вторая: технологии сами по себе отделены от мира социального, хотя и оказывают огромное влияние на него» [18]. Исходя из этого, мы пришли к заключению об основополагающей роли социокультурного контекста как первоочередного фактора комплексных изменений различных сфер жизненного уклада.

В-четвертых, степень эффективности политической коммуникации в виртуальном пространстве определяется не количеством задействованных инноваций, но социальным контекстом. В данном случае мы исходили из того комплекса проблем, который замедляет, а порой деструктивно воздействует на процесс вовлечения в деятельность представителей органов власти новых информационных технологий. К числу важных проблем относятся: несовершенство нормативно-правовой базы, недостаточное количество у государственных служащих профессиональных компетенций в области работы с электронными ресурсами, проблема «цифрового неравенства».

Литература

1. *Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2012. Вып. 12. С. 285–297.
2. *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York, 1964. 359 p.
3. *Дьякова Е.Г.* Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург, 2002. 280 с.
4. *Землянова Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999. 300 с.
5. *Negroponte N.* Being Digital. New York, 1995. 243 p.
6. *Jenkins H.* Convergence? I diverge [Electronic recourse] // Technology review. 2001. Vol. 1. Electronic data. URL: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence—i—diverge/> (access date: 5.05.2016).
7. *Meikle G.* Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life. Basingstoke, 2012. 248 p.
8. *Турунок С.Г.* Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 51–63. [Электронный ресурс]. URL: <http://ict.informika.ru/ft/003982/006tURONOK.pdf> (дата обращения: 12.05.2016).

9. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. 328 с. [Электронный ресурс] URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n60_05ar.html (дата обращения: 10.05.2016).

10. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М., 2012. 327 с.

11. *Доля граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35%* // Официальный сайт Минкомсвязь России. [Электронный ресурс]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/> (дата обращения: 8.05.2016).

12. *Центр гуманитарных технологий* // Официальный сайт информационно-аналитического агентства «ЦГТ». [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru> (дата обращения: 9.05.2016).

13. *Дьякова Е.Г.* Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. № 3. том 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst> (дата обращения: 19.09.2015).

14. *Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург. 2011. Вып. 11. С. 253–269.

15. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М., 2014. 528 с.

16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура // Библиотека Гумер: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php (дата обращения: 12.05.2016).

17. *Чугунов А.В.* Внедрение технологий «электронного правительства» в России: организационно-правовые проблемы и барьеры развития // Информационные ресурсы России. 2012. № 5. С. 2–7. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/irr3648/irr36484157/irr364841574158/irr3648415741584163/ (дата обращения: 28.04.2016).

18. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества М., 2004. 400 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://texts.news/sotsiologiya-kulturny-knigi/rol-informatsii-5155.html> (дата обращения: 1.05.2016).

Yufereva Anastasia S. – The Ural Branch of the Russian Academy of Science (Yekaterinburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/37

THE DEVELOPMENT OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE CONDITIONS OF MEDIA CONVERGENCE: AN ANALYSIS OF THE ROLE OF THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Keywords: media convergence, political communication, virtualization of politics, the new information technologies

This study considers the process of media convergence and the crucial characteristics of this phenomenon. The author studies different foreign approaches to conduct an extensive analysis of this topic in more detail. The research is concerned with specific and significant differences in approaches in connection with the understanding of media convergence. In particular this phenomenon includes the two levels – technological and social ones. The technological level bounds with merging different technologies and platforms. The social level connects determined communication effects. Due to the plural character of media convergence, it is necessary to investigate the question of the effect of this phenomenon on the realm of politics. The objective of the research was to find out the aspects of interaction between media convergence and a process of political communication in the context of social and technological dimensions. In order to achieve this aim the author studies historical context – the two periods in respect of virtualization of politics. The first stage had specific features: political structures began to penetrate on the Internet by dint of creating official web-sites. This stage included the manifestation the technological level because it is a case of digitalization of political information. In the following step the sphere of politics began to comprise different communication strategies, because media convergence achieved next level of the development – social level. The object and verifiable results were obtained by the comparative-historical method. The study showed a few real-world examples which reflect the main aspects of interaction between media convergence and the process of political communication. The author argues that the new forms of political communication were created by the social context instead of the technological context. The article considers the main problems of the adaptation of the state to the modern conditions. Besides, there are social problems which prevent

the transfer of the public services into electronic format. The author analyses the category of problems: the imperfection of the legal framework, the dilemma of an organizational resistance and the problem of the «digital divide».

References

1. Trakhtenberg, A.D. (2012) Elektronnoe pravitel'stvo: sostoitsya li "izobretenie gosudarstva zanovo"? [E-government: Whether the "re-invention of the state" will happen?]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 12. pp. 285-297.
2. McLuhan, M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: MIT Press.
3. Dyakova, E.G. (2002) *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass communication and power]. Ekaterinburg: RAS.
4. Zemlyanova, L.M. (1999) *Zarubezhnaya kommunikativistika v preddverii informatsionnogo obshchestva: Tolkovyy slovar' terminov i kontseptsiy* [International communication study in anticipation of the Information Society: Glossary of terms and concepts]. Moscow: Moscow State University.
5. Negroponte, N. (1995) *Being Digital*. New York: Vintage Books.
6. Jenkins, H. (2001) Convergence? I diverge. *Technology review*. 1. [Online] Available from: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence—i—diverge/>. (Accessed: 5th May 2016).
7. Meikle, G. (2012) *Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
8. Turonok, S.G. (2001) Internet i politicheskiy protsess [Internet and the political process]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 51-63. [Online] Available from: <http://ict.informika.ru/ft/003982/006tURONOK.pdf>. (Accessed: 12th May 2016).
9. Grachev, M.N. (2004) *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical concepts, models, development of vectors]. [Online] Available from: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n60_05ar.html. (Accessed: 10th May 2016).
10. Timofeeva, L.N. (ed.) (2012) *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika* [Political communication study: Theory, methodology and practice]. Moscow: RAPN.
11. Ministry of Communications of Russia. (2014) *Dolya grazhdan, vospol'zovavshikhsya elektronnyimi gosuslugami v 2014 godu, prevysila 35%* [The proportion of people who have used e-government services in 2014 exceeded 35%]. [Online] Available from: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/>. (Accessed: 8th May 2016).
12. Information-Analytical Agency "TsGT". (n.d.) *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy* [The Centre for Humanitarian Technologies]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru>. (Accessed: 9th May 2016).
13. Dyakova, E.G. (2011) Perekhod k elektronnomu pravitel'stvu v Rossii: normativno-pravovaya baza i sotsial'nyy kontekst [The transition to e-government in Russia: Legal framework and social context]. *Sovmestnye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3(7). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitel'stvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst>. (Accessed: 19th September 2016).
14. Trakhtenberg, A.D. (2011) Elektronnoe pravitel'stvo: tekhnokraticeskaya utopiya ili vostrebovannaya struktura [E-government: The technocratic utopia or demanded structure]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 11. pp. 253–269.
15. Morozov, E. (2014) *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [Internet as an illusion. The reverse side of the network]. Moscow: Corpus.
16. Castells, M. (n.d.) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, Culture]. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php. (Accessed: 12th May 2016).
17. Chugunov, A.V. (2012) Vnedrenie tekhnologiy "elektronnogo pravitel'stva" v Rossii: organizatsionno-pravovye problemy i bar'ery razvitiya [The introduction of "electronic government" technology in Russia: Organizational and legal problems and obstacles]. *Informatsionnye resursy Rossii*. 5. pp. 2-7. [Online]. Available from: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/irr3648/irr36484157/irr364841574158/irr3648415741584163/. (Accessed: 28th April 2016).
18. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Translated from English. Moscow: Aspekt-Press. [Online] Available from: <http://texts.news/sotsiologiya-kulturyi-knigi/rol-informatsii-51555.html>. (Accessed: 1st May 2016).